Глава 45. Убить, убить, убить!

Услышав, что таинственный мастер дворца Чанмэнь может быть старым евнухом, скрывающимся во дворце, разум Ся Цзяньшэня внезапно ожил.

Хотя евнухи во дворце не похожи на императорскую семью, они верны двору Великой Ся, даже если не жертвуют своими жизнями.

Но у большинства евнухов всё ещё есть чувство связи со двором и императорской семьёй.

Поскольку этот таинственный мастер готов жить в уединении во дворце, и имеет уровень совершенствования, близкий к мифу боевых искусств, но не борется за славу и богатство, он, скорее всего, не захочет видеть императорский двор в беде.

- Ваше Величество… – Янь Бугуй увидел, как изменилось выражение лица Ся Цзяньшэня, и, казалось, что-то угадал, поэтому не мог не напомнить вслух, - Я знаю, что Ваше Величество предан своим обязанностям, он много работал, и он приложил много усилий, чтобы восстановить славу Великой Ся.

- Однако, перед лицом такого мифа боевых искусств, я советую Вашему Величеству отложить все планы и расчёты в своём сердце и не думать о внутренних уловках. Лучший способ произвести на него впечатление – искренностью!

- Основа совершенствования человека может достигнуть уровня мифа боевых искусств, и для него абсолютно невозможно быть глупым. Даже если они могут выглядеть простыми и честными, их сердца определённо будут как зеркало, они мудры, а не глупы.

- Поэтому, какими бы умными ни были средства и стратегии, их трудно скрыть. В конце концов, это будет только обречено на провал, а выгоды не перевешивают потери.

Янь Бугуй, проживший почти сто лет, не сравним с обычными людьми с точки зрения знаний и мудрости, помимо того, что имеет девятый ранг развития.

Поэтому он указал императору очень правильный путь.

Ся Цзяньшэнь кивнул, показывая, что знает, но неизвестно, сколько он услышал на самом деле.

Как император, он хорош в планах и уловках, и у него есть свой собственный набор стилей и руководящих принципов для своих действий, которые нелегко изменить убеждениями со стороны.

- Мастер Янь, давайте не будем говорить об этом заранее. Прямо сейчас есть более срочное дело, которое нуждается в помощи Возвышенного Павильона, - Ся Цзяньшэнь сменил тему.

Янь Бугуй спросил:

- Если ваше величество хочет что-то сделать, просто скажите мне.

Ся Цзяньшэнь серьёзно сказал:

- Мне нужно мобилизовать нескольких мастеров, чтобы они сотрудничали с Фэн Бао, главой сыскной службы, чтобы взять на себя военную мощь Се Фэйхуна. Это дело нужно сделать как можно скорее, иначе потом оно будет сложно.

Когда Янь Бугуй услышал эти слова, его сердце слегка замерло.

Генерал Чжэньбэй Се Фэйхун был одним из четырёх генералов династии Великой Ся, и хотя он не был самым сильным среди четырёх генералов, под его командованием также находились сотни тысяч солдат.

Переместить этого человека – не малое дело.

Хотя Янь Бугуй долгое время жил в Павильоне Линъюнь, он принципиально не выходил, но всё же имел общее представление о делах во дворце.

Он быстро разгадал намерения императора.

Кажется, император готов напасть на императрицу.

Что касается императрицы, то генерал Чжэньбэй, как старший брат императрицы, явно не может сидеть сложа руки и игнорировать это, он должен убрать его как можно скорее, иначе он создаст себе проблемы.

В обычное время Янь Бугуй определённо убедил бы императора дважды подумать и не быть импульсивным.

Но в этот раз всё по-другому…

- Есть ли раскол между императрицей и наложницей Чунь дворца Чанмэнь? — спросил Янь Бугуй.

Ся Цзяньшэнь кивнул и сказал:

- Виновником смерти старшей сестры наложницы Чунь, Наложницы Ли, была императрица. Наложница Чунь всегда хотела отомстить за свою сестру на протяжении многих лет.

Янь Бугуй быстро взвесил все за и против и сказал:

- Я позволю двум мастерам восьмого ранга сотрудничать с Фэн Бао.

Хотя он чувствовал, что если он хочет произвести впечатление на таинственного человека во дворце Чанмэнь, лучше всего не применять уловки.

Но необходимые услуги, безусловно, должны быть оказаны.

В любом случае, отношения между этим таинственным мастером и наложницей Чунь по-прежнему хорошие, иначе он не стал бы помогать снова и снова.

Теперь, когда между наложницей Чунь и императрицей такой большой конфликт, и император хочет разобраться с императрицей, у него нет причин возражать.

Жалко генерала Чжэньбэя.

Этот человек является не только мастером восьмого ранга, но и генералом, умеющим побеждать и хорошо сражаться, совершившим немало военных подвигов.

……

……

Император действовал быстро.

Прошло менее получаса с того момента, когда он приказал кому-то сопроводить императрицу обратно за пределы дворца Чанмэнь, до того момента, когда он решил принять меры против генерала Чжэньбэя Се Фейхуна.

Глава сыскной службы Фэн Бао лично принял меры, взяв с собой элиту Сыскной службы, которая лучше всего умела совершать набеги и уничтожать семьи и иметь дело с гражданскими и военными чиновниками, а также двух мастеров восьмого ранга из Возвышенного Павильона для помощи.

Хотя Се Фэйхун также является мастером 8-го ранга, и он по-прежнему быстро реагировал после возвращения, он немедленно призвал много способных людей для подготовки.

К сожалению.

В конце концов, после некоторых столкновений, Се Фэйхун был вынужден отказаться от своей военной мощи и был заключён в тюрьму.

Что касается императрицы Се Фэйянь, после того, как её сопроводили обратно во Дворец Вечной Весны, император Ся Цзяньшэнь не приказал немедленно избавиться от неё, а послал кого-то, чтобы сказать наложнице Чунь, что она должна принять решение как избавиться от императрицы.

Она решает, убить или посадить в тюрьму.

Очевидно, этот ход должен заполучить благосклонность Наложницы Чунь, чтобы Наложница Чунь могла выказать немного привязанности и вспомнить прошлые отношения.

Наложница Чунь терпела больше десяти лет только ради этого дня, она, конечно, не будет вежлива!

Хотя сегодняшняя ситуация не была достигнута её собственными усилиями, можно даже сказать, что это не имело никакого отношения к её усилиям. Она полностью полагалась на Линь Пина как на шкуру тигра.

(П.п.: накидывать шкуру тигра – обр. притворяться грозным, использовать чужую славу в собственных целях)

Конечно, отомстить за свою сестру, пока она не может так много.

Она не помнила благосклонности императора Ся Цзяньшэня.

Теперь можно сказать, что впечатление наложницы Чунь о Ся Цзяньшэне было крайне плохим, и она полностью поняла истинное лицо этого человека.

Что касается благодеяний Линь Пина, она запомнит.

Если есть шанс в будущем, она отплатит всеми силами.

Тем не менее, наложница Чунь прямо не сказала, как поступить с императрицей, но попросила, чтобы первое, что было сделано, это сделать объявление, чтобы сделать заговор

императрицы достоянием общественности!

Затем реабилитировать её старшую сестру Ли Гуйфэй и восстановить её репутацию.

Что же касается того, как поступить с императрицей, то Наложница Чунь не делала этого сама. Она просто должна была следовать правилам гарема. Если бы ей дали три фута белого шёлка, ей бы дали белый шёлк, а если ей дали отравленное вино, ей бы дали отравленное вино.

Но в этот момент случилось несчастье.

После того, как император объявил о преступлении императрицы, прежде чем он смог сделать что-либо ещё, возле дворца Чанмэнь появился кто-то, кто не мог позволить себе встать на колени.

Конечно, этот человек не императрица Се Фэйянь.

Даже если бы Се Фэйянь хотела жить, она не могла пойти во дворец Чанмэнь, чтобы преклонить колени и молить о пощаде, для неё было бы лучше умереть. И теперь, когда её задержали, она не может прийти во дворец Чанмэнь.

Тот, кто не может позволить себе преклонить колени во дворце Чанмэнь, — это сын императрицы, третий принц.

Это нынешний наследный принц!

……

……

Линь Пин не заботился о беспокойстве внешнего мира.

С тех пор, как грандмастер-варвар Морагу испытал Возвращение Десяти Тысяч Мечей к Истоку, Линь Пин впал в состояние медитации.

В глазах посторонних он уже является мифом боевых искусств, что сравнимо со Святым Мечом Е Цинчэном того времени!

Но сам Линь Пин знал, что ему ещё далеко до царства мифа боевых искусств.

Однако после этого уединения дистанция сильно сократится.

Он уже смог смутно увидеть порог царства мифа боевых искусств!

«Убить, убить, убить!»

Линь Пин сел, скрестив ноги, и закрыл глаза. В это время в его сознании появилось не только глубокое значение Возвращение Десяти Тысяч Мечей к Истоку, но и намерение смертоносного меча, полное резни и свирепости, когда Морагу использовал технику Меча Убивающего Богов.

Внезапно Линь Пин открыл глаза, и комната наполнилась энергией меча.

Его глаза также были чем-то похожи на глаза Морагу тогда, наполненные кровью.

http://tl.rulate.ru/book/55345/2015290